

Улья Нова

NRS

УХОДИ ИЗ КАДРА

Улья Нова

Уходи из кадра

2025

UDK 821.161.1-1
Ulja Nova
Mine kaadrist välja
Luuletused (vene keeles)

Улья Нова

Уходи из кадра: Стихотворения.— Tartu; Rīga: NRS, 2025.
— 128 с.

ISBN 978-9916-9220-1-9

Улья Нова – писательница, поэтесса. Родилась в 1976 году в Москве. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор магических романов «Инка», «Лазалки», «Как делать погоду», «Собачий царь», «Чувство моря». С 2015 года живет в Риге.

В сборник вошли стихотворения 2005–2025 гг. (Москва–Рига), опубликованные в журналах «Полутон», «Дискурс», «Точка зрения», ROAR, «р/а/з/н/и/ц/ы», «Avīzes Nosaukums», «Дети Ра», «Этажи», «Кольцо А» и т. д., а также в антологии Тартуского поэтического фестиваля «Время мы».

При поддержке MTÜ ŽUKOVSKI FEST (Тартуского поэтического фестиваля им. В. А. Жуковского) и портала "Артикуляция"

© Улья Нова, 2025
© Риц Е., предисловие, 2025
© NRS, макет, 2025
© Гор В., дизайн обложки, 2025

ISBN 978-9916-9220-1-9

ПАМЯТНИК С АЙПАДОМ

Стихи Улья Новы существуют одновременно на двух уровнях — на метафизическом и на очень конкретном уровне проходящей на наших глазах истории. И большей частью это разные стихи: об истории — одни, о метафизике — другие. Под стихами не стоят даты, но мы безошибочно можем вычленить ядро исторического пласта — условные нулевые, время безмятежности, благоденствия, время на паузе, несостоявшуюся, но так была близка, Шлараффию.

Мы теперь, кажется, забыли слово «хипстер», слово «кидалт», а именно это — лирический герой книги Улья Новы, Питер Пэн с первыми морщинками, наше — автора и мое — общее прошлое.

*Вот они идут с iPad'ами, в оранжевых кедах,
С земляничинами на носках, в полосатых беретах,
Вечные недо-, живут, не ведая беды.
В их глазах летнее небо...*

Это благостность оказывается, тем не менее, остросоциальной. В стихах присутствует ясное осознание того, что если молодое поколение радуется наступившему благоденствию достаточно (но и то — не вполне) безмятежно, то старшее — сравнивая его с полунищенским прошлым и ощущая его хрупкость и эфемерность —

*В их бездонных сумейках —
таблетки, бечевки, конверты,
беспризорные шарфы,
чеки, платки, сигареты,
горстка старых копеек,
какое-то блеклое фото,
а еще бесполковый до боли
журнал с Пугачевой.*

*Им так хочется жадно вдыхать
распродажный, разряженный воздух.
Их рассеянный взгляд
ищет лавку дешевых пирожных.
Им не терпится скидок и льгот,
лотереи
и чтоб без добавок.*

Катализм, угрожающий настоящему и вынашивающий будущее, созревает — созрел — в прошлом.

Ключевой точкой поворота истории оказывается лето 2010 года. Я читаю стихи и вспоминаю это чувство — когда небывалая жара ощущалась не только природным катализмом, но и Событием в дотоле бессобытийном мире. И если сначала мы можем только догадываться, какое событие, какое лето имеет в виду автор — в стихотворении, которое, пожалуй для сборника кульминационнае самим строем речи:

*бож, а бож — дай дождь!
бож? а? нет дождя*

*я жду,
и воишь, и мышь, и уж,
и чиж, ты слышь,
чтоб пить из луж*

*и вождь
в поту сидит в тени
он даже с женами — ни-ни
кругом жара и с жалом мед,
мерещится в стакане лед
и нож и броши раскалены,
и жаром все побеждены*

*и еж, и стриж, и Танин муж —
все стонут: «сушь!»
и даже дядя Коля-бомж,
на дудочке играя туш,
мечтает в душ*

*повсюду пар
от лож, от крыш, от кож
ты слыши, а бож?
дай дождь,
ты мож!*

— то через несколько страниц, в стихотворении «Лето 2010» Улья Нова об этом говорит прямо.

И здесь мы видим тот самый выход из социального в природное и метафизическое: не случайно процитированное выше стихотворение — религиозное. И надо отметить, что несмотря на общность, несмотря на единый фон, стихи условно социальные, исторические и стихи условно метафизические (хотя, еще раз подчеркнем, здесь это одно и то же) отличаются даже просодически — стихи «социальные» ближе к ритмизированной прозе с далеко разнесенными ассонансными рифмами, строчки там широкие; «метафизические» стихи — «узкие», рифмовка более подчеркнутая и стержневая на ней стихотворение зачатую держится, как на оси.

Через связь человека и природы Улья Нова выходит в мистику, а то и — в мистицизм. Нефть — символ эпохи, мерило экономики, но одновременно и таинственная темно-горящая субстанция, «элемент» новой алхимии. Девушка-утопленница перерождается в ундину одновременно в Северке, притоке Оки, в краю заброшенном, вымирающем, безнадежном, и на модном курорте, где ничего не замечают увлеченные дайвингом туристы. Сквозь городское пространство движется Вуди — то ли Аллен, то ли Гатри, то ли — уходящий из кадра? — мультишный антропоморфный дятел. Торговый центр оборачивается раем, но не о нем ли в своих горных дебрях голосит птица-ведьма:

*голосит языком человеческим, воет языком ангельским
об ирии, вырии, рае, где зимуют птицы и воздушные змеи.
умирая, ведьма в землю зароет пух, перо, хвост, крыло
из ловца твоих снов/из своего ожерелья.*

Евгения Риц

I. ПРИМЕТЫ

Пяденица —
вентиляторы сизых крыл,
в форточку, в марлю —
вьется перед окном.
Гладиаторы-мысли
ищут ту самую точку,
где за гаражами фонарь
трещит в одиночку
или вместе с бабочкой,
желающей проникнуть в дом.

Манерно пустить колечко дыма
в лицо сидящего напротив.
Вдруг стать вульгарной. Много грина.
Наверно, это раздражает
приличных дам, что в прошлом
не против с каждым,
а теперь считают пошлым
колечки дыма.
Луна не просится в дом,
а молча, флегматично маячит,
набитый ракушками мячик,
чуть слышно над нами смеется.

Для каждого из трех читающих
подобрать разные интонации.
Для девушки — мягкую, влюбленную,
напоминающую нацию пядениц.
Для одинокого молодого мужчины,
потерявшегося в городе без денег, —
мечтательную или вроде
тех кожаных фенек на старом Арбате.

Для меня, читающей свой марш пустоты —
прохладную, со вкусом дыни.
И с высоты пригорка,
с запахом полыни на крыльях
взлетать из пыли...

ПРИМЕТЫ

вечером
ветreno и сырo
словно белый парус
в темноте скользит
дворовых собак
и бездомных людей
не жалея
новенькая вывеска
бакалея

в воздухе кружат
карамель с ванилью
кто-то хрюпlo кашляет
на балконе
пережеван жизнью
худой в мятоj майке
как из водоворотa
выплывший из запоя

в переулках темных
леденеют лужи
тихо завывает
шавка в подворотне
но назло приметам
у меня беруши
и розовые очки
по последней моде

Люди возраста наших родителей,
в тертых дубленках...

У них лица
стареющих клоунов,
отплясавших артистов балета.
В их бездонных сумейках —
таблетки, бечевки, конверты,
беспризорные шарфики,
чеки, платки, сигареты,
горстка старых копеек,
какое-то блеклое фото,
а еще бестолковый до боли
журнал с Пугачевой.

Им так хочется жадно вдыхать
распродажный, разряженный воздух.
Их рассеянный взгляд
ищет лавку дешевых пирожных.
Им не терпится скидок и льгот,
лотереи
и чтоб без добавок.
Их трясет
от нетрезвых кассирш,
от болтливых бомжей
и от справок.

Люди возраста наших родителей
постоянно глотают осадок...
Их печальные взгляды дворняг,
их тревожный, седеющий запах,
аккуратно заштопанный локоть,
китайские джинсы с базара,
их любимое слово «прорвемся»
в отношении безбожного завтра.

Люди возраста наших родителей
наотрез разучились стесняться,
их обиженный всхлип,
их натужливый смех,
их жестокий отказ удивляться.
Их навязчивый страх,
что отнимут мобильный
и заставят платить за билет.
Их скупой суетливый уют
и ворчливый нерадостный свет...

ВЕЧЕР БУДНЕГО ДНЯ

лужа золотится
напоминая черное море
в самолете над нами
пьют кофе
а здесь около нуля
и озябшие люди
чем-то недовольны
взведены

мы наткнулись на риф
на красную букву М
наш трюм пробит
чую не доплыvем
в самолете над нами
у людей нет проблем
зато есть чемоданы
кредитные карты
и сны

мокрый снег
забивается в наши следы
вон той волны хватит
чтобы насолить
всеръез
почему из трубы
так испуганно
стелется дым
это черное море
вздрогнуло
и завелось

у тебя капля катится
из сомкнутых век

у той из общей каюты
жемчуг поблек
сорвало чей-то шарф
дети подняли крик
а самолет улетел
беззаботный и
маленький
как мотылек

СЧАСТЬЕ БУДЕТ

Милый Вуди,
Несмотря на то что мы больны,
Счастье будет,
И оно набросится со спины.

Мое счастье уже вылетело из аэропорта Хитроу,
И оно не заблудится в московском метро,
А с листочком, на котором написан
Мой точный адрес и индекс,
Позвонит в дверь и скажет:
«Здрасьте, я – ваше счастье.
Я, наконец, объявились».

И твое счастье, Вуди, уже где-то близко.
Возможно, это оно там, на лавочке,
Приняв форму старушки, жует ириску.
И уже завтра утром,
По телефону назначив точное время,
Полное счастье примчит на фольксвагене «жук».
Терпение, Вуди, терпенье!

А твое счастье, читатель,
Покинув гробницу,
С саквояжем из желтой кожи
Пересекает границу.
У него сотня ликов,
У него сорок шесть паспортов и кличек,
И его не задержит солдат-пограничник...
Ты — счастливчик.

ПЕСНЯ О СЕВЕРКЕ

Тонет девушка
в Северке, притоке Оки.
Раньше водились здесь
дикие утки и щуки,
теперь — плавунцы и мальки.
Из-за прибрежных ключей
нет реки холодней,
из-за ям да запруд
нет коварней реки.

Тонет девушка,
никто не бежит спасать.
С поля доносятся
мутные голоса,
детские голоски.
В деревеньке на левом берегу
у дороги гнусавят гудки.
На пригорке правого берега
жарили шашлыки
потные мужики,
но уже разошлись.

Сводит девушке ноги
в зеленой воде.
Был тут когда-то мост навесной.
Ой, глубоко под мостом!
Ветер качает пустую тарзанку.
Кто на плакучую иву канат привязал?
Вон, замечтавшись в полете,
висит стрекоза.
Детские голоса.
Мутные голоски.
Тонет девушка
в Северке, притоке Оки.

ИХ ДЕТСКИЕ ЛИЦА

Вы, конечно, заметили, что в столице
Появилось множество взрослых
С подозрительно детскими лицами:
Тридцатицелтих младенцев,
Сорокалетних подростков.
Поднимите руки, кто их боится...

Вот они идут с iPad'ами, в оранжевых кедах,
С земляничинами на носках, в полосатых беретах,
Вечные недо-, живут, не ведая беды.
В их глазах летнее небо...

Может быть, это рекламная акция достижений науки?
Или клоуны-клонсы, созданные на деньги НАТО?
В их кошельках анемоны и кроны,
А в наушниках скрипты и стоны,
Предлагать им Бхагават-гиту не надо.

Чьи они дети? Ответьте.
Вы им верите?
Вы уверены, когда они едут навстречу на скейте?
Или пришли наниматься в ваш банк на работу
В розовой майке, закапанной йодом?..

Они рядом,
С пачками в пальчиках.
У них перстни с бриллиантами
В форме зайчиков.
Мятая курточка, губы уточкой,
Штопаны желтой ниткой их пулloverчики.
И все равно они ловят тебя на удочку
Старого, жеваного и недоверчивого...

ОБЛАКА-1

облако в облике Одри
на пробковых каблуках

облако в форме зеро
затянувшее тенью-вуалью озеро

не реви — выплывем
все будет здорово
осенью
облако-Азия с просинью, с проседью
явит нам облик Аллаха
над крышей соседнего универмага
и профиль танкиста
со школьницей
в белых бантах — на руках

представь
старенького Леннона
с худыми трясущимися руками
на один глаз давно ослеп
бродит с клюкой
по аллеям центрального парка
ищет повода побрюзжать

представляешь
угрюмый старик Лермонтов
решает кроссворд
в очереди к кардиологу
а вечером узловатыми пальцами
играет в шашки с соседом

только представь
семидесятилетний Пушкин
плется по коридору санатория
в клетчатых тапках
шепча сухими синеватыми губами
рецепт

вообрази
дедушка Моцарт на даче
под зонтиком от солнца
дразнит собаку
и как огромный
обрюзглый ребенок
улыбается голыми деснами

представил
теперь поясница прошла
тебе беззаботно
поедем кататься на параплане
в эту субботу

НЕФТЬ

И сказал бог: «Да будет свет».
И сказал бог: «Да будет твердь».
И вдруг по ошибке возникла нефть.
Но из экономических соображений
Источник умалчивает его достижения.

Нефть — река в латексных берегах.
Нефть — хиджаб.
(Метафора на случай если бог — Аллах).
Нефть — осетровая икра, черная дыра.
Поворачиваем ключ зажигания
И катаемся по городу до утра.

Нефть не вода.
Нефть не твердь.
Это значит, что там,
В самом начале времен,
Он — еще полужизнь.
Он — еще полусмерть.
Выпил кофе из турки, прилег отдохнуть,
И сама собой стала нефть —
Эта черная жижка, жуть, муть.

Уйди, бес, уйди, мне не скучно, у меня много дел.
Мой планер заполнен, вечером встреча после пяти.
На мне груз забот, я измотан, я почти поседел.
Сделка сорвалась, заказчик банкрот. Уйди, бес, уйди.

Уйди, бес, уйди, в нашем офисе гул, духота.
Моя секретарша отпросилась — у нее снова грипп.
Я бегу под дождем, полосуя по лицам спицей зонта,
И решаю, кому поручить рисовать логотип.

Уйди, бес, уйди, здесь по горло забот без тебя.
Нужна реклама. Доллар падает. Аренда растет.
Банкомат выдает мне зарплату, жужжа и скрепя.
Я сую сторублевку в контейнер на нужды сирот.

Растворимый кофе с кислинкой. Пока, бес, пока.
Совещание в семь, не стой у меня на пути.
Я строчу три отчета и жду от партнеров звонка.
Мне не скучно, я занят по горло. Прости, бес, прости.

ПЛАТЬЕ ЛИМОННОГО ЦВЕТА

Она вошла в платье лимонного цвета
Ее силуэт в лучах яркого света
В окнах соседнего небоскреба движутся люди
У тебя в пищеводе капельки ртути
Да это твой обесточенный голос
Ее приглашает на ужин
Ты не идешь по воде
А тонешь на суще
Ты безоружен

С ревом над Сити самолет идет на снижение
Вдали огни шоссе и коробки жилых кварталов
Она идет впереди в стеклах ее отражение
Она движется уверенно но немного устало
У нее шоколадная кожа
Ее волосы черная пена
Не обожгись
Пробуй ее осторожно
Отпивай от нее постепенно

Ты кричишь твое сердце отбивает сто сорок в минуту
На сороковом этаже в прохладной комнате лофта
В темноте ее влажная кожа отливает мазутом
На полу лимонное платье и твоя полосатая кофта
У нее гибкое тело пантеры
Как струны натянуты нервы
Фунты стерлингов доллары евро
Все становится второстепенным

Она уйдет рано утром легко и неслышно
Ты проснешься один в огромных окнах небо и город
Поблизости в парке на землю падают вишни
Ты куришь сжимая внутри нарастающий голод

Частые гудки в ее телефоне
Солнечная радиация
Проникает сквозь дыры в озоне
Параплан над деревьями кружит
И становится душно

На крыше снимают кино камера ездит по кругу
Лопасти вертолета взбивают серебряный воздух
По радио передают про взрывы в метро ты напуган
Ты звонишь ей звонишь но уже слишком поздно
У нее шоколадная кожа
Ее волосы черная пена
Не грусти
Забывай ее осторожно
Отвыкай от нее постепенно

АТОМНЫЕ ДЕТИ

из старых газетных заголовков

Мне было десять, когда Чернобыль рванул.
26 апреля детство оборвалось.

Назревало в воздухе. Нарастал неприятный гул.
Шли кислотные дожди. У Земли покосилась ось.

Радиация повсюду. Клубника размером с кулак.
Двухголовые голуби. Вундеркинды из Белоруссии.

Кровь в разлив.
Набирали силу такие болезни, как СПИД и рак.
Закрывались глаза. Том и Джерри несли позитив.

От урана сжималась спираль ДНК.
Пробуждались таланты. Рождались мутанты.

Шел мокрый снег.
И казалось, все здесь и сейчас, а смерть далека.
Где-то там, впереди, у ворот Дед Мороз — новый век.

На значках голые женщины. Wrigley's Spearmint.
На Тверской — Макдональдс. Необитаемый остров —
у генсека во лбу.
И стыдливо спускают отживший кровавый бинт.
Крутили винт и, похоже, опять сорвали резьбу.

ЗОНА РАДИОАКТИВНОСТИ

Мы въезжаем в зону радиоактивности. Пристегнись.
Там на заднем сиденье противогаз.
Местные жители по традиции смотрят вниз.
Но ничто не остановит нас и не сломит нас.

Ты чувствуешь, все твои электроны танцуют твист.
Та девушка на заправке, у нее третий глаз.
И от клена отлетел треугольный лист.
Но ничто не остановит нас и не сломит нас.

Что-то с атомами не в порядке, протоны шалят,
Здесь свинец на глазах превратился в алмаз.
Не пей из реки — табличка «Промышленный яд».
Но ничто не остановит нас и не сломит нас.

От тебя исходят синие гамма-лучи.
Период полураспада прекращается через час.
Мы превратимся в птиц. Нас выпустят из машины врачи.
И тогда уже точно ничто не остановит нас и не сломит нас.

ГОРОДСКИЕ СУМАСШЕДШИЕ

городские сумасшедшие выбирают ботинки на свалках
синие кубы помоек будто торговые центры их влекут
городские сумасшедшие в целлофановых шапочках
в пестрых нарядах
громко сами с собой рассуждая вдоль проспекта бредут

городские сумасшедшие в полуночном вагоне
подбирают газетки носовые платки и обертки конфет
из туннеля выплывают пустынные станции в позолоте
с колоннами
изливая с больной головы на здоровую электрический свет

в сумасшедшей Москве слишком много домов тупиков и улиц
там и тут пропадают люди рождаются люди теряют себя
зимний ветер танцует над крышами злой порывистый танец
мельтешат огоньками витрины машины тревожно гудят

видишь городские сумасшедшие в темноте окликают прохожих
налевают гнусавые песни в замерзшие лужи плюют
их котомки набиты таинственной мертвый поклажей
городские сумасшедшие ни в глаза ни в карманы
заглянуть не дадут

подойди к батарее отогрей онемевшие руки
попытайся припомнить свое имя не спеша чередом
среди темной метели услышишь тихий сбивчивый голос
в сумасшедшей Москве отыщи в тупике свой потерянный дом

* * *

Миллионы глаз уперлись в экран:
Реклама Кока-Колы. И таблеток от боли.
Будто под общим наркозом, вдохнув хлорэтан,
Мы впадаем в транс.
И Зидан покидает поле.

В верхних слоях тропосферы назревает большой ураган.
Тигры, ястребы перестают размножаться в неволе.
Зато увеличивается численность блох, свиней, игуан,
Честных граждан.
А Зидан покидает поле.

Ржавый танкер напоролся на коралловый риф,
Где-то далеко, кажется в Адриатическом море.
И свой камень все катит и катит прилежно Сизиф
Мимо вилл и олив.
А Зидан покидает поле.

Эта музыка слишком стара и нудна,
Не хватает драйва и шершавых бемолей.
Тело аквалангиста медленно достигает дна.
В это время с другим танцует его жена,
Потому что весна.
И Зидан покидает поле.

Банковские счета растут каждый час. Осыпаются ветви гинкго и магнолий

Пятилетний мальчик вдохнул веселящий газ,
Но это не касается нас,
Мы пока еще счастливы здесь и сейчас.
А Зидан покидает поле.

Святые, маршируя, входят в рай,
А я вхожу в торговый комплекс «Север».
Легко, паря, не выключая плеер,
И на моей футболке самурай.

На мне слегка потрепанный деним,
На сапогах — следы московской пыли.
Возможно, шестикрылый серафим
И все святые обо мне забыли.

Их песни заглушает саундтрек,
Как крут мотив U2 из фильма Batman!
Вот я плачу, мне выбивают чек,
Что означает: я пока not dead, man.

Как я люблю небрежный легкий драйв
И запах выхлопов, и цвет бетона.
И бультерьера лай, и слово «life»,
И звук ночного сдавленного стона.

Моих артерий быстрый кровоток
Надеюсь, не несет по телу тромбы.
В моем сознанье, как в Шанхае — смог,
А в подсознанье, как в Ираке — бомбы.

Святые, маршируя, входят в рай,
На их телах тряпье из секонд-хенда,
В их пищеводах гречка и минтай,
А в головах библейские легенды.

Их близорукие глаза блестят,
Хребты их спин изогнуты вопросом.
А я рифмую ад и рай, и яд,
И крылья бэтмена, и эту осень.

Ладони кленов опадают в пруд,
В воде суровой стекла небоскребов.
И ангелы утраченных минут
Летят, летят и никого не ждут.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Я опять что-то важное упускаю —
Подсекаю, но рыбка, крючок обглодав,
От меня уплывает, сверкая,
О заметных желаниях и вспомнить не дав.

Я ныряю за ней в голубом акваланге
И на ощупь крадусь по песчаному дну.
Здесь мурены, акулы, кальмары, трепанги
Проживаю, беззвучно молясь на Луну.

Здесь в глубоких пещерах живут осьминоги.
Вот он — гладит меня по спине,
Пробивая на жалость: «Мы так одиноки
В этой богом забытой подводной стране».

Здесь русалок усопших стеклянные склепы.
Их зеленые тонкие губы манят
В безвозвратную муть, в чумовые вертепы,
Источая дремотный сиреневый яд.

Где-то там, над водой, джентльмены и леди,
Загорая на яхте, втирают масла.
А в укромных углах их кудрявые дети
Истекают слюной и сплетают тела.

Им приносят арбуз на фарфоровом блюде,
А в высоких стаканах — Campari и лед.
И не знают те сонно жующие люди,
Что минута — и кончится мой кислород.

Надо мной проплывают гигантские скаты,
Их хвосты фиолетовым током искрят,
Освещая на дне якоря и канаты,
Бок подлодки и ржавый немецкий снаряд.

Изумрудная даль раскрывает объятья.
Трос оборван, трепещет и тает мой пульс.
С золотой чешуей на шифоновом платье
Я в подводной стране навсегда остаюсь.

И назавтра беспечно сверкаю в прибое.
А стариk, на крючок мотыля нанизав,
Будто плетью, стегает строптивое море
И за клевом следит, хитро щуря глаза.

ДЖО...

Хорошие девочки попадают в рай, Джо,
А плохая — куда отведешь.
Зато у плохой девочки в сумке есть нож.
Она войдет, посмотрит, и ты на месте умрешь.
А пока ты пытаешься укротить своюю дрожь,
Подожжет спирт и насыплет за шиворот лед.

Шейка плохой девочки, Джо, —
Белая, как мрамор, хрупкая, как фарфор.
Как она хрустит, когда ты кружишь ей голову!
Как она блестит, когда ты взводишь, наконец, затвор!
Как она прекрасна, когда ты пятишься, уходя...
Шейка спящей голышом плохой девочки, Джо.

Но куда ты теперь, до пены и хрипа загоняя коней?
На часах ратуши полночь — время борделей и фей.
Джентльмены пьют кровавую Мэри,
Ураган с моря хлещет в лицо свежо,
А ты несешься, вздымая песок, по прерии,
От своей собственной тени и
Чувствуешь, как пляшут артерии,
Как гремит бижутерия
В городе за твоей спиной, Джо...

Пуля ждет тебя в условленном месте, в точке А.
Ястребиные свадьбы над полем, впереди зима.
Неужели все предопределено по минутам,
А мы только предоставляем себя
Врагам и маршрутам?
Неужели все совершенно неважно
И слишком серьезно, Джо?

ОБЛАКА-2

Облако-носорог движется на восток.
В темном дворе драка, истошно кричат: «Ты — слабак!»
Старый рыбак бросает золотую форель в садок,
И его три желания отправляются на чердак,
Больше не требуя исполнения, не причиняя мук.
И, по закону борьбы добрых и злых, вдруг
В этот же день где-то не выстрелит танк,
Синица споет соловьем в тепле чьих-то рук,
Вместо вопроса кто-то прикусит язык
И не заполнит бланк, и не навесит ярлык.
А облако-носорог молча продолжит свой бег,
И рядом — облако-лев и облако-бык.

СПАСИ

Спаси, неужели и ты плох? Спаси, неужели и ты — Брут?
То облако похоже на труп — матроса кинули за борт.
Неужели ты эту чашу несешь за весь мой труд?
Неужели ты крикнешь овчаркам «фас»?
Распространишь мое фото в профиль и в фас,
И напишешь в книгу вселенной короткий рапорт?

«Арбайт, серафимы, арбайт? Шнеля, архангелы, шнеля?» —
Спаси, неужели у твоего войска серые с орлами шинели?
Бьют не в глаз, так в бровь — на снегу кровь,
Стреляют из-за угла, за спиной — мгла?

Боже, храни королеву! И меня тоже, Боже, храни иногда!
Ты же можешь затуманить улицу, перепутать право и лево,
Дать неточный адрес, чтоб обошла беда,
Притормозить карету, ускорить планету,
Чтобы опять вместо пятницы стала хотя бы среда.
Ты же можешь затопить вражескую каравеллу
Или ввернуть Луну в 300 Ватт, чтобы прибавить света.
И оттянуть момент. И отменить примету.
Голубя сбить с пути. Слезы пустить по ветру.
Чтобы зимой — сирень, чтобы в вино — вода.

Когда говорю с вечностью —
Напомни, как правильнее: на «вы», на «ты»?
С промедлением лучника в момент натяжения тетивы?
С осторожностью санитара, снимающего бинты?
С невозмутимостью разведчика?
С поспешностью пулеметчика?

Или это как по Млечному Пути,
На цыпочках, босиком, не чувствуя высоты?
Или это как идти по молочной пенке?
По золотой каемке тарелки?
По той голубой венке на твоем виске?
Красться, пытаясь попасть в чужие следы,
Тающие на мокром морском песке?

Или это как белую нитку вить из облака?
Или это как синюю нитку вытягивать из твоей шали?
Помнишь, той ночью мы дышали друг другу в шеи?
Помнишь, тем летом мы бежали наперегонки возле реки?
Порой мне так не хватает твоей мимолетной шалости,
Алости рта, не вечности, а вроде бы малости,
Которая уже никогда, потому что не там и не та.

Нынче пасмурно в столице и нервно.
Все окрест больше не кажется
Единственно верным.
Вечером выдали снег:
Скупо, стаканом мерным —
В самый темный день года
Сизые улицы обелили.

Резвые силуэты воров и пьяниц
Под фонарями пляшут вечерний танец.
С ними палач, звездочет, ангел и агнец
В предновогодний залиты елочный глянец.

Где-то в столичной сутолоке
Кроется божья сила.
Может быть, сказка для бедных,
Но мне красиво думать о том,
Что бездомный, чумной и сирый
Значится в бесконечной тетради бога.

В вертепе Москвы,
Под мутным рассолом неба
Тебя проверяют на вечность,
На быль и небыль.
Если зачет — будет тебе дорога.
Не улетай, подожди, погости немного.

ТИШИНА

И вот наконец тишина: ни слова, ни звука, ни знака.
Тишина-лицо и тишина-изнанка.

И, наконец, тишина слышна. Тишина голосов лишена.

Давай сегодня молчать тише, молчать хором.
Чтобы тишина кралась по комнате котом и вором.
Чтобы тишина, как ворон, сливалась крылом с ночью.
Чтобы тишина по темному городу шла на ощупь.

Не говори ни слова: не объясняй, не спрашивай, не ври,
не хвастай.

И не шепчи про боль, про соль, про быль, про пыль,
про порез и пластырь.

Давай сегодня молчать отчаянно, молчать упрямо.
Чтобы тишина растекалась по комнате пряной праной.
Давай сегодня молчать геройски, без страха, без нетерпенья.
Как будто за каждый час нам дадут королевский реппун.

Мы можем учиться у рыб, у немых старух, у немытых вишен.
Чтобы тишина вперемежку с дождем упоительно шла по крыше.

И вот наконец тишина: ни слова, ни звука, ни знака.
Тишина-лицо и тишина-изнанка.

И, наконец, тишина слышна, тишина голосов лишена.
Тишина лишена рук.
Тишина лишена глаз.
Тишина лишена губ.
Тишина лишена нас.

УХОДИ ИЗ КАДРА

И ему говорят: «Уходи из кадра!»
Чтобы открыткой: залив, вокзал, ратуша.
В этом кадре ты — абракадабра.
Ты — трагически-затхлая туша с ухмылкой кадавра.
Только все же, несмотря на Аид,
Так болит твой заношенный вид.

Пусть пластически кадр занимает Дева
И грудастые плодородные нивы.
А тебе бы в мифы, тебе лучше в Фивы.
Ты хромай туда, ты иди, Эдип,

Со своей клюкой и ебливой мамой.
Чуть живой, беззубый, что ты лезешь в кадр?
От тебя вместо замка, ратуши и залива
Лишь туман — трагический, несчастливый.

Уходи — плешивый, слепой, лохматый.
От тебя тоска во дворцы-палаты.
За тобой собаки — кусать за пятки.
Злых мальчишек стайка — в тебя рогаткой.
И кричат: «Эдип, царь горы песка!
Уходи из кадра, пока-пока!»
И кричат: «Лохмотья твои, заплаты —
Без царя в голове ты и без зарплаты!»
Уходи из кадра, иди-иди!
Со своей древнегреческой тьмой в груди.

Пусть будет в кадре замок, залив, затишье.
Пусть будет в кадре дева из Пятикнижия.
И какой-нибудь юный, кудрявый демон.
И с голой Йоко — худой голый Ленон.
И Луна в кадре. И снег. И поле.

А если уж горе, то в верном миноре.
Пусть будет в кадре вечность, но без изъяна.
И старики. И скатерти. И поляны.
И никаких пророческих слез.
И никаких заезжих античных звезд.

БЕЛАЯ ДАМА

Белая дама, призрак водонапорной башни,
Подмигнула мне на улице Terbatas.
Говорят, кому она подмигнет — exitus letalis.
Ну да мне не такие мигали, а вот я еще здесь.

Все мы отчасти призраки, все мы отчасти знаки беды.
Белая дама в полночь меняет бинты
На руках, на ногах, на теле.
Чтобы явиться постояльцу отеля —
Из дождя, из фонарного света, из темноты.

Ты меня не пугай, я давно post mortem.
В этом городе в полночь продают портер?
В сквере скамейка — пить и болтать до рассвета,
Вспоминая всех, кто убил нас, кто нелюбовью
Сживал со света.

Смерть не страшна, ведь нельзя умереть дважды.
Луна танцует над крышей водонапорной башни.
А мы с белой дамой играем в шашки.
У нас с белой дамой намечаются шашни.

Мы сильны, потому что мертвы. Наши души
Вряд ли вытряхнет тот,
Кто безжалостно душит в душе.
Темнота внутри, темнота снаружи.
Иногда так, наверное, даже лучше.

ЭВЕРЕСТ

Вы сейчас далеко-далеко, но все равно ощутимо.
Я пишу текст и помню: Вы где-то есть.
Я пишу текст и понимаю, что Вы — Эверест.
Вы — восхождение. Муза, а не мужчина.
Текст/ Эверест/ Секс.

Я точно знаю — Вы существуете. Я верю в Вас.
Смогу отыскать на обширной палитре цвет ваших глаз:
Не синь, а пристально-небесный.
Не ангел Вы и не бес. Но
Вы какой-то слишком земной и телесный.

Я Вас дразню бессовестно, что прощается, — об этом помните.
Без похоти и без пошлости
Мне бы хотелось побывать с Вами в комнате.
Я даже не знаю — Вы курите?
Я даже не злая на тех, кто в Вашей каюте.
Не думаю, что ревную.
Не думаю, что вы шутите,
Когда и сами не знаете, к чему клоните.
Текст/ Эверест/ Секс

Все так скучно в природе.
Все так предсказуемо.
Мне не под силу Вас удивить — я неразумна.
До безобразия легкомысленна, иногда бываю вульгарной.
Золотко самоварное — это же очевидно Вам, но
Вы все равно как бы уже в этом кино.

Я помню вспышку Вашего интереса, да-да.
Вы мне не смерть и не беда.
Вы какой-то сильный, бескрайний,
Не мужчина, а чисто поле.
Вы никогда не отважитесь сделать мне больно.

Я видела, как Вы запнулись.
Заметила, когда Вы оступились.
Когда Вы с ритма сбились,
А потом ветер поймали.
Но, увы, Вам далеко не впервые.
Мойры за долгую жизнь
Вас основательно тренировали.
И теперь Вы именно тот, кто в сиle
Все, что угодно, вынести.
Именно это в Вас так красиво,
Так титанически и тектонически неотразимо.
Секс/ Эверест/ Текст.

ЗЕЛЕНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

книга содержит поле брани
мираж — три тысячи экземпляров
прокомпостируй страницы в последнем вагоне
кондуктору предъяви выходные огни и агонии

каждому третьему слову
верить/проверить/проветрить/вытравить
в каждой главе ветер и вереск/тетерев, терем и треск

автор, скрывающий девственность
между страниц недосказанность
между строк мертвенностъ
несоразмерность, тленность, нетрезвость
одним словом, роман

роман околения
роман озверения
озеленение в опасности
ветви теперь в переплете
ради того, кто говорлив
липы, березы и вязы
сосны и ели спилили
мир оголив

ИНТЕРВЬЮ

Твое отсутствие в Москве имеет форму треугольника, круга?
Вместо тебя в комнате полечка, фуга?
Ты снишься Останкинской, Шуховской, Спасской башне?
Твой сыр просроченный, твой хлеб вчерашний?

Твое отсутствие в Москве имеет форму купола, кровли?
Вместо тебя на асфальте лужица слез, капельки крови?
Несколько твоих слов все еще звучат в телефоне,
Кружатся в трубке, перебивают гудки?
Вместо тебя в метро пассажиры с детьми,
Служащие, старики?

Как там в Москве твоя одичалая боль, бесхозная смерть?
Твой опустевший маршрут, осиротелый билет?
Как хорошо, что иногда нехорошо там, где нас нет, —
Ты ведь не думаешь так вот уже несколько лет?

Ты в массовке Москвы один из хрущевки, из седой коммуналки?
Вместо тебя на Ордынке голые балки, нетрезвые бабки?
Вместо тебя на Покровке растаявшие снеговики,
снесенные особняки?
Кто-то в Москве за спиной все еще слышит твой смех
и твои шаги?

ПУХ, ПЕРО, ХВОСТ, КРЫЛО

Языком человеческим, ангельским, птичьим

говорит языком ангельским, а любви не имеет.
бежит по лесу, медью звена, загоняет птицу/змея.
медью звена, ведь ведьмье нужнее
для ловца твоих снов змеиные перья/пух для ожерелья.
у нее охота, медью звена к оврагу,
любви не имея, языком ангельским гонит птицу/змея,
говорит-наговаривает жестокую и нежную притчу.
нагоняет, потрошит: пух, перо, хвост, крыло.

поет языком человеческим, любви не чувствуя.
бежит по полю после дождя – изобразительное искусство.
острые птицы гонят к реке, к пустырю,
мстительная и ядовитая стая,
от нее не защитит даже твой плащ/ее плач.
медью звенящей и кимвалом звучащим
гонят босую к оврагу, как собаку.
за свою пичугу/змеюку, за расправу над птицей/змеем,
за хвост и крылья, за охоту без раскаянья,
за «мне нужнее», за ножны меди, за пух и перья
для ловца твоих снов/для ее ожерелья.

мстительные и горластые, кричат птичьими языками
притчи своей боли, своей свободы.
вдогонку по вечернему снегу крошечными шажками,
безрукие птицы выкlevали все ее время,
отнимают ее поле, кричат о своей доле:
их сестрица-птица стала ее мишенью,
ведь ведьмье нужнее, ведь у нее охота.
голосит языком человеческим, воет языком ангельским
об ирии, вырии, рае, где зимуют птицы и воздушные змеи.
уминая, ведьма в землю зароет пух, перо, хвост, крыло
из ловца твоих снов/из своего ожерелья.

НЕУЯЗВИМОСТЬ ОРФЕЯ

там, где осколки былых богов
превращаются в демонов,
куда-нибудь день меня,
куда-нибудь ночь меня,
я — мраморный торс врага.

кинь в меня меткий охотничий нож,
сверкающий в дебрях, —
из ребра от бедра добреду до оврага,
рыская, где бы напиться
огня, крови и молока

кровосмешение, ветер и ночь — античность.

— тик Эвридики,
— трепет Орфея,
— гримасы Гермеса, —
эта триада симптомов из книги нервных болезней
так характерна для всех воплотившихся бестий,
жаждущих пить во тьме зимнего леса.

гипсовый шаг Афродиты/бронзовый бег дискоцобала.
но если в овраге притаилась война,
— я чую этот стон золота,
— я знаю этот зов солода,
— я вижу этот сон олова
и топот кентавра по корке льда,
и зуд струны/стрелы,
и гордость языка, лакающего огонь орла,
и жадность горла, гладящего кость былого бога,
глотающего кровь быка.

но от войны меня бережет
— меланхолия Эвридики,
— невозмутимость Гермеса,
— неуязвимость Орфея.

ТАЙНАЯ ШКОЛА ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ

сколько обид/блюд в твоем обеде молчания?
что тебе больше по вкусу — венчание или растление?
силы небесные снова разведали тайные чаянья
и подготовили для тебя избиение/сердцебиение,
испытание наверностью, анкетирование ангелом,
собеседование тридцатью демонами ада —
это не метафоры твоих отношений с Родиной,
это всего лишь опрометчивая серенада,
продиктованная февральской душевной впадиной,
апрельской дешевой патиной,
душной/душевой камерой смертника — плотью.

девушка на мосту, утратившая адресата,
поворачивает голову в сторону мола.
будто бы сжавшись/сдавшись под одеялом,
перед прыжком надышаться,
под языком — рубль валидола.
у высоты ментоловый вкус —
вот это и ешь в свой полный обед молчания,
ведь это и есть тайная школа изящных искусств.

ФЕВРАЛЬ

закончилось дыхание февраль
закончилось дыхание тону
свеча-часы скучая жизнь отню
я в янтаре тону февраль дыханье

все что я здесь ловлю последний снег
все что я здесь люблю смотреть наверх
и видеть вены старых мокрых лип
и видеть свет и неба трепет век

я черный зверь сплетенный из ветвей
твое дыханье кончилось февраль
ты умираешь тонешь в янтаре
раз моя смертность выше в феврале
то значит не сейчас не скоро

на крыши сыплет перья мокрый март
размякли сморщились рубашки карт
вечерний ветер поздний снегопад
метель-дыхание на опустевший город

ТРУДНЫЕ ВЫБОРЫ

выбирая себя-всадника, выбирая себя-коня,
трудно избежать внутреннего конфликта:
хочется быть всадником Моря на коне Огня,
всадником Любви на бледном коне Смерти,

всадником-Победителем на лошади-Меланхолии
или наездником Ночи на белогривой лошадке,
рыцарем Антониусом на цирковой лошади,
бедным певцом Александра Введенского
на коне Революции, с картины «Красная конница»,
рыцарем печального образа на буденновской лошади,
на коне-качалке, на коне-Маренго...

можно ли стать однозначным,
деревянным всадником шахматным?
можно ли избежать гражданской войны,
революции — хотя бы внутри себя?

НЕНАДЕЖНЫЙ РАССКАЗЧИК

ненадежный рассказчик въезжает в город:
в сапоге — нож, за душой — ночь.
что он несет этому городу завороженных,
Готэму проклятых и прокаженных?
да что угодно, но уж точно не луч.
у него за пазухой смерч,
на развилке дорог от него отреклась смерть.
он — бес, он — плут, он — женщина,
у него черный плащ.
он шептал своей матери: жено, по мне лучше не плачь.
и сумей никогда не узнать, кто отец мой и кто мне палач.

ненадежный рассказчик вдоль спальных районов
на осле скачет в город среди фур и фургонов.
он — царь, он — зверь, он — женщина,
у него на лице шрам.
через сотню лет возле автозаправки
в честь него возведут храм.
а по городу катится полуночный храп,
по улицам мечется всякий бездомный хлам.
псы и тени, пьяные в хлам.

ненадежный рассказчик на светофоре
раздает буклеты своего жития.
и въезжает в город голодных, не споря,
что человек человеку улика, уловка, петля.
он — взгляд, он — ритм, он — женщина,
на него завели дело:
за семь дней до его приезда
дева в городе от него залетела
в форточку управления полиции,
в лоб прокуратуре — вдребезг очки.
и тогда заскрипели отмычки, загремели ключи

камер ангелов пленных,
после пыток их лики-мурены,
полосатая свора сбежала из тюрьмы в небеса.
вот теперь не пусты небеса.
и это ведь ненадежный рассказчик
в городе всего полчаса,
исполняет роль, которую выбрал сам,
на полуночных улицах, которые выдумал сам.

ПЫТКА НАДЕЖДОЙ

пытка надеждой
каждому беглецу
каждому иноходцу
каждому кто свободен
перстнями рукой надежды
пощечина по лицу
ослепление надеждой
каждого кто спокоен

надежду николавну в тещи каждому кто решил
что в силах спастись от быта от дней рутины
надежду сергевну в бабушки
жителю yellow субмарины

надежду геннадевну в свекрови
беспечной бабочке
которая вьется вокруг свечи в баночке
но все закончится
«любишь кататься — люби и саночки»
и в горку бабочка потащит саночки

надежду константиновну
каждому революционеру
надежду яковлевну
каждому мандельштаму
надежду идущую прямо
надежду одной левой
штампы надежды
шрамы надежды
штаммы надежды

пытку надеждой
любому искателю

естествоиспытателю
на водах спасателю
каждому прорицателю
и созерцателю
трупов врагов на реке
пытку надеждой

но у меня нет ничего
кроме надежды
у меня нет ничего
сильнее надежды
только надежда
греет меня в одежде
и без одежды
только надежда
пламенеет меня

надежда константиновна
надежда яковлевна
только надежда
нет ничего сильнее
надежды надежды
надежды

ЭТОТ УРОВЕНЬ ПРОЙДЕН

level completed
лисъи кленовые листья
задуваает в парадный. усни!
и ты вбегаешь во двор-закулисье
торопливый как если б
долгожданные письма
тебе принесли

level completed
но большая игра впереди
а сейчас в эти дни
остановка передышка в пути
и свободный полет
этот уровень пройден
никто его не отберет
это что-то про выход
в переулки где трубы Невы
ты с судьбой еще не на ты
но уже не на вы

level completed
не горюй не герой
а скорее игрок
ты вернешься во сне
в тот промозглый мирок
где когда-то терял номерок
где урок обороны
и злой рок
отнимающий сыр у вороны
патефонная моль говорит
этот level completed
телефонная грусть
сколько раз я вернусь?
но уже не болит
ну почти не болит

САМ СЕБЕ САМ

*Help! I need somebody
Help! Not just anybody
Help! You know I need someone
Help!*

“Help!”, The Beatles, 1965

помоги себе сам
по лугам по лесам
сам себя собери
озолоти посеребри

не беги от себя
не губи не роняй
не наговаривай зря
сам себя озаряй

вырасти себя сам
по часам по весам
от обиды обдуй
омолоди околдуй

не беси себя
на земле в небеси
рюмочку себе поднеси
удила закуси

но не выпивай себя до дна
чтобы не было дня
когда ты себе бездна
сам себе и броня
и струна

не карай себя сам
без причины
дай свободу себе
не по чину
чертоточины/мертвчины
свои вытрави вычти
выбери себя
не из ветоши/не из черни
а из вечности
а из веточек
той черешни

на себе не езди
не торопи
пока не поздно
попридержи себя
перетерпи
от беды от болезни
себя отведи
вот ведь ты еси
сам себя
ныне и присно упаси
и не доноси на себя
и освободи/и освободись
от себя

ВИРАЖИ НА ЕЖЕ

база данных
турбаза борзых
а моя ролевая модель
возрастная форель
по турбазе ходила
дудела в свирель
разбудила борзых
побежали за ней

база данных
поехавших крыши
мышеловок
и труб дождевых
а меня ты впиши
в середину графы
я отчаливший мыш
из объятий зимы

я сбежавший босой
от полярной совы
все качусь колбасой
по высокой траве
база данных моих
приключений земных
виражи на еже
на сплошном кураже

говорят не хватает
в ряду этих рифм
мятежа кутежа пмж

на читатель
скорей получи пмж

назвавшийся ловцом
закидывая сеть
зажмурься и страйся
не смотреть
на трепет и полет
наивных уловимых
не пей вина
на третий день пройдет

назвавшийся творцом
свет отделив от тьмы
задумайся о том
к чему тебе все мы
которые не те
без лести на лице
без мести убери прицел
как будто ты для нас не умер
твори добро покуда цел

назвавшийся пловцом
нарвавшийся на риф
среди сетей и тьмы
плыви по морю рифм
распарывая синь
где бездна и волна
плыви к себе плыви
ныряй до дна

назвавшийся никем
намеренный никак
ни почему не вдруг
и ничему не враг
без груза и узды

не всадник и не конь
среди сетей и тьмы
наговори
огонь

И СНОВА ВЕСНА

это демон сирени
подает тебе тайные знаки

это вновь Саломея на луг
прилегла покрывалом цветов

ты идешь принимая
то облик бродячей собаки

то цыганки то бегущей строки
то отсрочки от писем и снов

заметает тузы твои
дворник на Вуди похожий

затемнение ночь
только где-то вдали огоньки

вот и нету тебя
среди утренних сонных прохожих

вот и дерева нету и дома
и снова все с красной строки

СЧИТАЮТСЯ ДЕНЬГИ

*Подождите, пожалуйста! Считываются деньги.
Надпись на экране банкомата*

подождите, пожалуйста!
считываются деньги.
покурите в сторонке,
отдохните пока.

да кто ты такой,
когда считаются деньги?
похожий на всех
как два сапога.

что можешь продать?
кого смеешь продать ты?
прохожий по жизни,
ни дать и ни взять.

не тать ли ты?
нет, ты летал мимо вахты.
летал мимо кассы.
чумеешь — не трать.

кто кем нас считает,
теперь не считается!
считываются деньги!
а мы — под дождем.
считываются деньги!
деньги считаются!
а мы полежим
убитым ферзем!

слетаются деньги
на разные звуки,

на разные знаки,
в отдельные руки

им все ни почем,
они любят счет.
а кто под дождем,
подождет круглый год.

один человек
получит джекпот.
другой человек —
сегодня банкрот.
еще человек
все ждет под дождем.
а вот человек,
который не в счет.

прожил мимо денег.
продал бы предал
да случай не счел
и сам не удал.

считываются деньги,
сбегаются слуги;
всяк греб бы к себе,
да коротки руки.

вот деньги и день
увели из-под носа.
не жизнь — чаевые
слуги у подноса,
индейка-копейка
хряща из борща.
все тысяча да тысяча:
из князя — в хрыча.

СТЕЖКИ

как объяснишь картины утюгу?
какую карту из рукава предложишь дураку?
какой сон в руку?

о чем науку вновь решишь постичь,
чтоб речи куст как Златоуст постричь?
о чем тот луч, который туч бежал
кинжалом в окон скуку?

где день? куда ты дел,
крошащийся как мел?
где ночь? кого ты млел?
кого ты ел?
доделал?

чем объяснишь нить парки пауку,
покуда он бежит по чердаку —
во мраке ножницы —
учуя муху?

какую муку сможешь обхитрить,
чтоб мрак-дурак впотьмах остановить?
и эту нить продеть в строку
и шить по кругу
стежком обметочным
судьбу зверюгу?

II. ЭЛЕМЕНТЫ

В каждом из нас нефть.
А иногда — руда.
Мы говорим «нет!»
А иногда — «да!»
Пока цела аорта,
И рот не наполнен кровью,
Поговори со мной,
Подойди к моему изголовью.

Участь у нас разная.
Разным будет последний путь.
Тебе лежать в земле Австрии,
Мне — где-нибудь под Рязанью.
Но сейчас не об этом,
На час обо всем забудь,
Нас лишили рая,
Мы вернем его как-нибудь сами.
Губами,
Касаниями.

Винтик твоих часов царапает мне плечо,
Кольцо твоего соска холодит мой живот,
В каждом из нас иногда
Что-то вот-вот умрет,
А иногда вот-вот
Дрогнет.
И оживет...

Не надо множества слов,
Чтобы о нас рассказать,
Чтобы тебя назвать,
Чтобы меня назвать.
Все очень просто:
Угарный газ,
Кислород,
Гелий, —
Все, что мы делаем,
Происходит на самом деле.

Не надо повышать голос.
Спешить некуда.
О нас лучше рассказывать
Тихо и медленно, это да.
Простыми словами
Вроде: колос, стручок, ягода.
Притормозил.
Опустил стекло,
Спросил: «А тебе куда?»

Ехали загород молча.
Видели небо.
Верили: я — в тебя,
Ты — в меня.
А вокруг простирались
Обманчивая материя
И неживая природа
Вроде песка и гравия...

НОЧЬ

Ночь.

Чет и нечет слились в многоточье.
У кого-то сегодня впервые
Домой не вернулась дочь.
И бог смотрит с небес,
Как мерцают в дожде мостовые.
Несется охотничий клич,
И ты — дичь.

Ночь.

Очень хочется точечной боли и неги.
Тяжелых портьер приоткрытые веки —
Чьей-то плюшевой спальни обезличенный кич.
Обострившись, влюбленность командует: «К стенке!»
Песчинки паркета врастают в коленки,
И свистит над спиной
Бич из кожи свиной.

Ночь.

Снова ходим на ощупь, вслепую.
Дай примету руке, чтоб уж точно узнать.
Тает луч фонаря,
В темноте я тебя зарифмую.
Плывет мимо ряски и тины кровать,
И продрогла земля.

ДЕНЬ ЗНАНИЙ

Я с годами глупею.
Мне уже двадцать девять.
Я уже семь на девять
Умножаю с трудом.
Падежи забываю,
А куда что впадает —
Эту страшную тайну
На потом, на потом.

Также даты сражений,
Склоненъя, спряжения,
Острова и столицы,
Имена кораблей...
Кто сидел на диване
В первой сцене романа?
С этим странным вопросом
Не ко мне, не ко мне.

ОГО! ОГОНЬ!

ого! огонь!
в око алым конем!
и ты нем в нем,
ты в угол ползком.
а ты внемли:
это он, это он говорит,
это жар загребает:
солома на кровле горит.

ого! огонь!
голоса, голоса до небес!
языки его жадно в слова
обратившие лес...
и он гонит, он гонит
бежать твои ноги, дрожа.
это жар настигает,
свистя и треща,
и визжа.

ого! огонь!
логово боли богов,
оловянных солдатиков,
писем и лент,
мотыльков...
и ты в нем не силен,
а вокруг расползается дым:
здесь был дом,
а теперь его тень,
это день стал седым.

ого! огонь!
кто-то, в рог трубя, гонит собак,
кто-то в колокол бьет,

кто-то плачет, напялив колпак.
кто-то в детском ведерке
последнюю воду принес.
это было, это дым,
это запах горящих берез.

ого! огонь!
горькая сажа и гарь,
неживое/живое соцветие,
светящее вдалъ.
и ты в нем без имен
как булат добела раскален.
это дым,
это ты стал огнем,
в темноте осветил окоем.

не родилась я негритянкой
не родилась я монгольской шаманкой
и смуглым мачо с разрезом глаз
не родилась

не родилась я у моря и гор
не родилась там где пальмовый бор
где по каньону идет скалолаз
не родилась

не родилась я под топот коней
не родилась я под бубны степей
где в очаге огонь не погас
не родилась

не родилась там где чайки кричат
не родилась там где камни молчат
не родилась я еще наяву
и вот живу

ДОРОГА ГОЛОДА

горечь дорог
голод ведет
вокруг огород
да неспелый горох
если ты молод
и не урод
ступай в город
босой в холод

вокруг морок
во рву ворог
наври с короб
войди в сговор
зачем тебе посох
добудь порох
если ты не глух
и не олух
найдешь способ
вором иль вороном
волом иль голубем
заговорить
ворота города
к которому ведет
дорога голода

ДОЖДЬ

бож, а бож — дай дождь!
бож? а? нет дождя

я жду,
и вошь, и мышь, и уж,
и чиж, ты слыши,
чтоб пить из луж

и вождь
в поту сидит в тени
он даже с женами — ни-ни
кругом жара и с жалом мед,
мерещится в стакане лед
и нож, и брошь раскалены,
и жаром все побеждены

и еж, и стриж, и Танин муж —
все стонут: «сушь!»
и даже дядя Коля-бомж,
на дудочке играя туш,
мечтает в душ

повсюду пар
от лож, от крыш, от кож
ты слыши, а бож?
дай дождь,
ты мож!

ВЕРЕТЕНО

Веретено из рук вылетело.
Закружило над полем золотой ржи.
А соседка кричала: «Держи».
И зажужжало. Нити тянуло.
Веретянуло.
Вены недругам перетянуло.

Выть не тянет — вытянуло.
И вспоминать — выметено.
Уж темно,
Все, что было, забыто.
Зарыто. Во тьму вплетено.
Ветром украдено
Веретено.

НЕБО

Небо — не боль!
Пой себе спокойно,
Позабудь вой.
Один в поле воин
Не болен, а волен.
Один в чистом поле доволен —
Ковбой.

Небо. Не бойся,
Все как-нибудьобразуется.
Без вопросов.
Главное в ряд по команде не стройся
И надевай тот белый шарф
Во время морозов.

Небо — не бой,
И уже военный поезд в депо.

Небо. Не бог,
А ты сам все наметил
И как-нибудь смог.

Небо — не бомба,
А просто какая-то баба,
Вроде блондинки из АВВА.
Гляди за ней в оба,
Не говори «гоп» и «о-па»,
Чтобы не жить с ней до гроба
Под звуки ворчанья и храта.

Небо
Отключат однажды нелепо,
Белое и голубое.

Но пока не отбой,
Возьми ветер с собой,
Без боли, без крепа,
Без бомбы, без бога.
И побежали в небо, ковбой...

надо срочно умереть
чтоб собой не заслонять
чтобы время не терять
чтоб себя не утомлять

чтобы сердцем не стареть
чтоб собой не дорожить
надо точно умереть
но как в яблочко пожить

чтобы чайник зря не греть
и постель не убирать
чтоб собой не засорять
ни компьютер ни тетрадь

чтоб себя не утерять
и совсем не озвереть
надо стройно умереть
и красиво умереть

МАНКИ

Так забудешь на ровном месте, кто ты есть.
Вот беда. Сразу раскис, раскрылется.
А как вспомнить-то обратно себя?
Это надо было предвидеть
и заранее манки для памяти заготовить.
По углам, на укромные полочки
разложить милые сердцу вещички.
И слова волшебные, в которых ты весь,
выраженьица, с наживкой на крючке,
в блокнотики, в книжицы записать.
Соберешь их потом, глядь,
ухватил чего-то, вспомнил себя.
Ну, конечно, не всего,
а себя-на-определенный-момент.
И то ладно.

все брошу и уйду
шаманить налегке
с тряпичной куколкой в руке
с иголкой в языке

на Павелецкой ровно в шесть
ты можешь обо мне прочесть
в газете старичка
со шрамом на виске

все брошу и сбегу
шаманить босиком
и буду все кругом
метелить и туманить

меня теперь не удержать
по средам около пяти
ты будешь час скучать
не зная где меня найти

все брошу и умчусь
шаманить с ветерком
я у огня учусь
танцую и колдую

меня ничем не погасить
ты можешь обо мне спросить
ты можешь обо мне мечтать
и там вдали я захочу рыдать
но не вернусь

ЛЕТО 2010

лето — тело
таяло и летало
требовало моря и мела
марева и металла

у рта морщинки-утраты
в голове — облака
любовь прошла
оставив усталость вместо руки
и дуло вместо виска

тсс: о скуче ни звука
вход-выход
вдох-выдох
живи — видь

но какое же счастье
что больше не нужно
искать точку опоры
чтобы перевернуть эту землю
чтобы тебя удивить

СТОН

Стон —
Сто тонн.
Кто-то тонет.
Или в стоге.
Помню, Толя говорил: «Я — ноль!»
И Шанхай таял в смоге.

Я же тяжесть.
Ты же нежность.
Мы же жили-пыжились,
Набивали синяки и пыжи.
«До чего довел планету этот фигляр ПЖ!»
Ты мне пиши по интернету,
Я уезжаю в Китай на ПМЖ:
Стон — сто тонн,
Самолетом «Ту»
В-ж-ж-ж,
И нету.

СКАЗ

Москва.
Подвесной мост.
Горячий воск
Капает в мозг.
Неба серые шали
Движутся не спеша.
Промозгло.
Ветер разносит оспу.
Белокаменный морг.
Князь говорит: «Если б я мог!»
Эхом вдали серый мелькает хвост.
Кто-то кричит: «Волк!»
И покидает пост.
Волоком тащит узел пожитков,
Чтобы бежать за Волгу.
Или куда-нибудь,
По направлению — в путь,
В темное далеко.
Только б не на погост.
Чтобы дышать легко,
Чтобы прожить долго.
А позади — Москва,
Будто прогорклый квас,
Словно замочная сква...
Вот и весь сказ.

УДАЧА

Удача —
подходящая фамилия для удава-огородника,
проводящего время на грядках
и в меже
подстерегающего дачных ежей.

Неужели удача отчалила в чащу?
Толпы тащат тысячи тачек-пачек-удач.
А мне хочется чашу удачи,
быть под душем удачи почаше,
босиком пробежаться под ливнем удачи,
от щекотки визжа и смеясь.

СНЕГ

Снег.
С ней или без нее,
Ты от любви слег.
Белое забытье.

Снег
С нежностью вьется над
Стеклами льдистых луж,
Лентами автострад,
Скатами черных крыш,
Бедрами сонных рек.
Белых ресниц дрожь,
Лошади белой бег.

Снег фонарей, афиш,
Улиц, аптек, домов.
Кружево белых снов,
Неизреченных слов.
С ней или без нее —
Белая немота.
Всюду над миром тишь
Ниточкой из бинта.

УРАГАН!

Ура!
Ураган!

Ценные бумаги, как журавли оригами,
Кувыркаясь, летят под ногами.
Ура! Угораздило в ураган!

Над огородами,
Над берегами
Мы в урагане
В ударе,
В угаре.

Не уберегли,
Не угадали,
Мы в урагане под облаками.
Перец и соль вьются клубами.
Пепел и пыль перед глазами.
Все перепели-пересказали,
Отхохотали и отрыдали.
Взвились ветра. Ура!
Угораздило в ураган!

ЗАГОВОР СПЯЩЕГО НА ДНЕ

Тряпичный ангел
Ангин и пыли,
Не буди меня на дно дня,
Зимовать возле рифа в иле,
Где вокруг — затонувшие лодки
И ржавые якоря.

Тряпичный ангел
Золы и боли,
Пиши мне чаще.
Мой адрес: море.
Там чайки — буквы твои
Кричащие,
Слезные и звездные,
Буквы огненные
И молчащие.

Тряпичный ангел
Ангин и пыли,
Не буди меня
На дно дня,
Не топи меня
В бездне были,
Не говори что я —
для этого дна.

Терпи-петляй,
А брань — для дряни,
Такие в буднях,
Как в божьей длани.
Не буди меня, ангел
Золы и боли,
Как если б во сне

Меня в бандероли
Бросили в море.
А там — моряки
В тумане, во мгле
Пили и пели,
И плыли куда-то
На этой волне,
На этой войне
С былью и пылью,
И болью.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

будь готов
отличать ангелов от скотов

истекло — и все
и свет фасет салфеткой скомкан
стоп-кран/стакан, а Икару бы край
когда умирать — играй

Вергилию не лги
ведет — иди в берлоги
где алая и голая
в реке огня — босые ноги
рабы, рога и боги

сообщение отправлено
сообщение отправлено
и проглотит сообщение
он как истинный гурман
но услуги не доступны
(отчего мы недоступны?)
вновь уходит сообщение
в фиолетовый туман

выключен мобильник Моцарта
а уже могильщик Моцарту
приготовил место отдыха
и нетерпеливо ждет
но изъят из зоны действия
разрядился и не действует
и назло всем черным лилиям
неоплаченная линия
Моцарта с его мобильником
от смешной дурацкой гибели
на сегодня сбережет

ТОТ ГОРОД

тот город горд
тот город справедлив
тот город сон
к нему ползет слеза
скатился на асфальт
июль с плакучих ив
спешит пожарник
на горящие глаза
ни рук ни век
но чувствует укол
витрин осколка
тот город гол
как человек
и на морозе
сосулька-челка
дымок от вздоха
и крик и стон
и шепот рек

луна-закон
ее прожектор
и свет и слеп
к чему поклон
твоих проспектов
о город-склеп
пылинок хлопья
на лунном лице
едва горят
ты отгони
седые блики
и вылей яд

тот город горд
тот город глух

и ветер норд
врываюсь в слух
за пазухой сквозит
и треплет миражи
срывая с улиц
вертлявых модниц
обертки лжи

тот город пал
тот город страх
он на коленях
в тоске в сомнениях
в перстнях в цепях
огнем играя
над ним нависла
конфорка-солнце
без пробы фикса
под той пластинкой
с огнем-начинкой
под шум пустынь
он лишь ложбинка
тот город-дымка
истлел-остыл
из лоскутов
его сшивали
из ста мостов
клочки лесов
соединяли
с ковром домов

тот город камни
песок и сваи
он спит в дыму
и все виденья
собравшись в стаи
летят к нему
уже прозрачен
их крыльев шум
тот город обниму

ЗИМА

зима
замри
и мир
ясен и зrim
если уж решила
ври красиво
делай невозможное
будь неотразимой

зима тысячу лет
под пенопластом снегов лежала
щекой примороженная
к ржавой траве
теперь ожила
и спешит к вокзалу
в норковом марте
в кружевном коротеньком феврале

ВЕТЕР

ветер летел через тернии невредим
было в нем множество тел
ветер-ураган-ветрюган-нелюдим
трепетал петлял выл
входы и выходы путал
было в нем множество крыл
снег-серебро-перламутр
ни крова — лишь небо
ни крови — лишь небыль
у этого ветра не было губ и неба
чтобы прошептать и поведать
чтобы поцеловать и отведать
не было глаз чтобы смотреть в оба
а значит не будет могилы и гроба
только пустынные зимние виллы
лестницы к морю
и белые спальни-сугробы

В ТЕМНОТЕ

не вывернуть ли лампочку
не задуть ли все свечки
выключить газовую конфорку
затушить огонек телефона
разбить фонарь за окном
погасить экран компьютера
отвернуться от солнца и луны
вырубить электричество
во всей квартире
темно
ни одного огонька
слиться с темнотой
потеряться в темноте
стать частью темноты
что остается
не поиграть ли в рыбок
которые светятся
на тихоокеанских глубинах

НИЧЬЯ

ничья
не ты не я
в соревновании
червь сомнения

ты я ничей
не соловей
не свинья
не настроение
не состояние
а нечто вечернее

вечное возвращение
всенощная в деревне
вешние часы
нищий в соборной нише
тише ты тише
чтобы ничейность расслышать
мельницу и ручей
медленно изучай

но и дорога ничья
конная пешая
к лиху ли к лешему
мимо ничейных рек
стелется одичав

ТВОЙ ВАРИАНТ

я держала на ладони маленькую лягушку
держала на ладони ахатину гигантскую
держала на ладони африканскую многоножку
раковину рапана стрекозу-красотку
но война все равно началась*

проходя мимо кустов и деревьев
отрывала листик смородины лист липы
лист боярышника лист черемухи
быстро шла по росистой траве
чувствовала лодыжкой жалящую искру крапивы
подорожник одуванчики клевер белый
зверобой ромашки пастушья сумка
но война все равно началась*

лес шумел над головой
березы и сосны соприкасались кронами
море шумело ревело внизу штормом
вдали за рекой считала годы и годы кукушка
в темной траве стрекотали звенели пиликали
но война все равно началась бы?

где же здесь былъ?
где упустили убыль судьбы?

даже когда мы поймали щуренка в ручье
но потом отпустили помнишь?
даже когда мы скрестили пальцы
и потом помирились помнишь?
даже когда за ночь вдруг все стало белым помнишь?
даже когда по доске этим дурацким скрипучим мелом
помнишь?

но война все равно вырвалась и ворвалась*

* вместо этой строки ты можешь подставить любую
другую:

— но бабушка все равно умерла

— твой вариант

ЖИ- И -ЗНЬ

жи- просвистела
во ржи и во лжи
-знь впереди
еще прозвенит
лязгнет
и некого будет винить
и все что останется
жи- полюбить
во всех ее язвах

жи- прожужжала в чащобе
среди бурелома
шла без тропинки к опушке
платок потеряв
-знь пулей застрияла
в январском
скрипучем сугробе
легка невесома
в лоб -знь летела
смеялась
скрипичная малость
и вмиг не сбылась

жи- в метро в электричках
на скромных подачках
кружка в старых платьях
случайных танцуек
-знь грохот
внезапно упавших сосулек
чью зубы акульи
и визг хрустала
дворам сообщают
что это не я

бокалы а лишь
ледяная земля
нарушила тишину
и дрогнули хором
окрестности
ломаных крыш
тишина -изны
февраля

небо в овчинку
теперь дурачинка
сиди и молчи
живи-пережевывай
не мертвечи

из мешка на пол
нам выпало время лучин
упрячь под пальто
свой ангельский чин

вечерняя спета
крахмальная смята
а спички в сугробе
под снегом свети

а разве нас надо куда-то везти?
ведь может и нам повезти

даже, если небо в овчарку
даже, если время — овчарка

НИ ЗГИ

бурелом ветролом
о былом

здесь был сад
здесь был мед
здесь был дом

а потом все назло
потом все на слом
было кровью и потом
потом хоть потоп

было дело
было слово
стало серо
стала злоба

кто это небо стер?
даже озон спер?

будто бы свет
чуть свет
будто бы снег
чуть снег

но будет ли соль?
будет ли сдоба?
будет ли снова лето?
но ты особо/ты это
не жги
не жди
ни зги

выбегала
на поле молний
с полным ведром беды
выла на бороне
вилами обороны
вороны на меже
черной тесьмой уже
заняли ложу
знати на похоронах

сдюжила-ожила:
вожжи и тетива
ножны и жернова
жатву визжат под ливнем
ночь изрыгает жар-
птицу поймав не жарь
стиснута чуть дыша
вой на звезду надрывней

войско летит по равнине
красных коней ряд
красный конец нам
красный скворец в дом
имени твоему
красную тетиву
красной свистиши стрелой
злой же ты злой

раненая в меже
рваного поля молний
ржавым ведром
боль на боку лежит

НЕ ПОСЛЕДНЕЕ

и это слово не последнее
и это слово тоже не последнее
и ты не первый и не ты последняя
придет еще и скажет свое последнее
придет другой и скажет еще последнее
не бог меня послал но вот последнее
и это будет тоже не последнее
а только слово только воробей

и снова воробей и снова
слетит последнее не слово
и не последний воробей

и времена последние
они не первые и не последние
они наследники времен расцвета
времен рассвета
но времена последние
раскатом сообщают сведения
закатом заостряют зрение
с приветом шлют гонцов по свету
своих примет не выбирают
лишь повторяя старые приметы
и вторят не последним воробьям

но вот бывает воробей последний
влетает воробей гонец прощальный
последний новый год или сочельник
последний дождь
последний свет печальный

и вот пишу я обо всем последнем
но чувствую еще и приключение

ведь это из беды времен последних
как будто беглецом из заточения
не первым узником из злоключения
и росчерком пера смешавшись с полночью
а тут уже восторг пересечения
границ запретных о которых хочется
не первым словом воробьем последним
негромким словом воробьем прощальным
черткнуть-чирикнуть невзначай
что мир печальный

но свет но свет
как будто неслучайный
но напоследок свет
необычайный
предгрозовой
просвет

черным по черному
белым по белому
войной по войне
нет войны во мне

червлены рыбы
вечернего неба
были червивы
червовы небыли

пепел на поле
боли земли
луну украдли
солнце снесли

тело девочки
кисти клочки
перестрелки
чулки осколки
рваная челка
взрывная сторонка
не вой не волочи
по зимней полночи

ВМЕСТО ВЕНЦА

впереди
не приведи
привидение

господи
оспа поди
падение

ты все ждала
ты слишком знала
продолжение

повой заборный
вместо венца
укажи границу конца

арестант выбыл
адресат окна выбил
адрес выжжен дотла
голубя не присылай
вместо письма

а та которая стоит
среди толпы бегущей
в бирюзовом платье
врастая каблуками
окаменевшая среди
она поди все ждет
цветущей веками
а не взрывной венками
что впереди

но в темноте
на ощупь к ней идет
привидение пулемет
пальцы растопырил
выбывший адресат
вот начало конца
страница весны
повой заборный
вместо венца

зной где граница
жди своего живца

КРУГ

такая полночь только фары
вдали зеленой/золотой фольгой
и чешуя черна брускатки
змеится дождь по улицам из бара
бежит продрогший и дурной
домой

так мало фонарей
как в темной сказке
но не со злым лицом
а с утомленным и без ласки
финальным письмечом

«вы задолжали вы не дорожили
и вот теперь вы под дождем
а мы рожали мы урожай жали
но мы от вас не объяснений ждем
а ордер шлем»

и держит ордер человек усталый
на бланке синие чернила
как будто жизнь слегка отстала
а смерть мизинчик прищемила

пора садиться в черное авто
и уезжать навстречу ли рассвету
ли расстрелу пулей сквозь пальто
в те дни где вас и не было и нету
в то дно где вы никто
и никому ничто

война идет уже который год
вздыхает человек и ордер мнет

война идет вперед ломая лед
идет волной взрывной и озверелой
куда же денусь я теперь такой
озеленелый
целый

стены пакую в мешки
и паркет – в чемоданы
рваные раны рифмую
с равниной и дрожью
по кругу бежит человек
придавленный ношой
с перекошенной речью
всегда и всему наутек
и только навстречу

бежит туда где фары
вдали зелено/золотой фольгой

ТОЧКА ВЕСНЫ

прекращение огня
точка весны

куда несут волны
чувства Невы

болит еще вина
окрест окна

сгоревшая окраина
нырнуть до дна

прекращение льда
запятая

запятнает и тебя
сенная всенощная

блики и клинки
в облике

не отчайвайся
на окрики
той стороны
весны/войны

ОТЧАЯНИЕ-ЗОЛОТО

молчание
золото-зола-зло
мычанье чаянье
все пили чай

молчание-долото
молчание-спортлото
в печали-радости
молчания различай

отчаяние-золото
осеннее нищее
трепет монет березовых
без хлеба без сыра

отчаяние молотом
дубасит мир сирый
до холода
до хрипа
под небом сырого
и голубь сизый
источник гриппа

молчание
мельтешение мельчание
ни золота ни солода
одна зола
так вызывают одичание
отсутствием чудес
туман и мгла

галки на небе галки
пять или шесть на проводе
а надо идти к гадалке?
ну встречи ну проводы
закручивать височные гайки
не выдать чтобы не выдавить
из памяти без утайки
все равно ведь
не вытравить

вворачивать винтики в темечко
свет гасить в темнице мозжечка
до тюрьмы до сумы
в наше времечко
два шажка

и она говорит:
«я потеряла край
я разучилась врать
у меня память болит
как же мне дальше жить?
как потом умирать
если не делать вид?»

а другая спрашивает:
«где находится совесть
в какой извилине?
и что делать если
дыханию страшно?
живь-выть при луне
с волками или все же не
лить воду времени
не матери не мачехе
чужой жене?»

опутанное создание
бредет по пашне жизни
наискосок на ветру ноября
не тужи не мерзни
сумасшедшей отчизне
не до тебя

дребедень в бороде
дряхлого бога
на рогах в паутине
опавший лист
если ты устал артист
отдохни немного
и снова за фугу:
под дождем ноября
воздух нотен
скрипичен
чист

СМЕРКАЕТСЯ

смеркается
посмертие посметь

стели постель
последнюю
в метели

не сетуй
что смыкается
ведь не со всем
свыхаются

успеть бы
спеть средь
смерти и сирени
<пока сверкается>

ПРАВИЛА ОБРАЗА И ПОДОБИЯ

1.

не говори бог
пока не перетерпишь

не боготвори блох
среди стужи

не переводи старух
через минное поле

если чешется смерть
жди снаружи

тихая непричастность
молчаливая неприязнь
не спасет утопленника
водобоязнь

2.

не кричи фас
собачьей упряжке

не переигрывай фарс
при пустой фляжке

за профиль и анфас
не давай аванса

не приглашай на вальс
особь в фуражке

сдержанное презрение
улыбка бесстрашья

грош-цена мнения
тех кого не спрашиваю

3.
не обманывай встречного
по одежке

не швыряй дареное
по обертке

не пили насиженное
по ошибке

не доволен выйди к морю
поклонися рыбке

медленное просветление
тонких голосов пение
береги смолоду
оперение

господи Хиросима
или любой херувим
в смысле что керосина
не лей вблизи огня

лучше раздай по капле
всем у кого нет сил
чтобы во тьме светил
и не забудь про меня

первый второй реактор
укутай синим плащом
который у Рафаэля
или кого-то еще

знает велоцираптор
помнит ихтиозавр
хищные вымирают
сильным не по зубам

а ты изотопы урана
сохрани от тирана
сбереги от огня
чтобы не стерло
ящерицу-варана
необратимо
и павиана
и пеликаны
и не забудь про меня

И ТЫ РЕКА

все временно
и ты часы
и ты река
так коротко
как два глотка
как две косые
полосы
и тчк

все намертво
и ты игла
ты нить
тебя тянуть
тобой к пальто пришить
распорото
и эти галки-узелки
так пасмурно
но не спеши
стежки

все заживо
замри на миг
и не моргай
так ветreno
что парусам
не помогай
от берега
оторвало
и понесло
нет компаса
но ты штурвал
и ты весло

АВГУСТОВСКИЕ ИДЫ

коломбинка
под куполом цирка
тоненькая балеринка
в синем чепце
велосипедное лето
катится к озеру
золотым шаром в петлице
antonовским паданцем
на крыльце

пять голубок
лиловых и синих
духа святого
собирают дожди
в сумерках юбок
осенних зимних
не торопи не жди

хвост персеиды
орнаменты хмеля
августовские иды
дикого меда

в последний день лета
каждому шмелю
по георгине *ведаю*
по астре *верю*

*<и твоему шмелю
ромашку люблю>*

все что спасает нас хотя бы на час
все что не бросает нас в пруд
выплывать по-собачьи или же утонуть
все что ведет нас в дом а не толкает в путь
все что дает нам компас и дарит нам шанс
пробежать в темноте через этот лес
все что делает нас сильнее или просто светит с небес
все что не само по себе с крыльями или без
все о чем мы молчим без чего мы чернее
только оно и есть на самом деле
только оно днесь с нами и здесь
а остальное... шторкой завесь

МАЛЕНЬКАЯ ЖЕЛТАЯ КНИЖЕЧКА

маленькая желтая книжечка
маленьких желтых желаний

маленьких желтых жди
маленьких желтых жаль

маленьких желтых огней
маленьких желтых магий

маленьких неужели
маленьких не ужаль

маленьких не жалей
маленьких а пожалуй

маленькая желтая книжечка
маленьких желтых нет

маленьких пожалей
снежных смешливых жалоб

маленьких желтых нот
маленьких желтых лет

Содержание

Евгения Риц. Памятник с айпадом 3

ЧАСТЬ I. ПРИМЕТЫ

«Пяденица...»	9
Приметы	11
«Люди возраста наших родителей...»	12
Вечер буднего дня	14
Счастье будет	16
Песня о Северке	17
Их детские лица	18
Облака-1	19
«представь...»	20
Нефть	21
«Уйди, бес, уйди...»	22
Платье лимонного цвета	23
Атомные дети	25
Зона радиоактивности	26
Городские сумасшедшие	27
«Миллионы глаз уперлись в экран...»	28
«Святые, маршируя, входят в рай...»	30
Золотая рыбка	32
Джо	34
Облака-2	35
Спаси	36
«Когда говорю с вечностью...»	37
«Нынче пасмурно в столице и нервно...»	38
Тишина	39
Уходи из кадра	40
Белая дама	42
Эверест	43
Зеленая рецензия	45

Интервью	46
Пух, перо, хвост, крыло	47
Неуязвимость Орфея	48
Тайная школа изящных искусств	49
Февраль	50
Трудные выборы	51
Ненадежный рассказчик	52
Пытка надеждой	54
Этот уровень пройден	56
Сам себе сам	57
Виражи на еже	59
«назвавшийся ловцом...»	60
И снова весна	62
Считаются деньги	63
Стежки	65

ЧАСТЬ II. ЭЛЕМЕНТЫ

«В каждом из нас нефть...»	69
«Не надо множества слов...»	70
Ночь	71
День знаний	72
Ого! Огонь!	73
«не родилась я негритянкой...»	75
Дорога голода	76
Дождь	77
Веретено	78
Небо	79
«надо срочно умереть...»	81
Манки	82
«все брошу и уйду...»	83
Лето 2010	84
Стон	85
Сказ	86
Удача	87

Снег	88
Ураган!	89
Заговор спящего на дне	90
Краткое содержание жизни и смерти	92
«сообщение отправлено...»	93
Тот город.	94
Зима	96
Ветер	97
В темноте	98
Ничья	99
Твой вариант	100
Жи- и -знь	102
«небо в овчинку...»	104
Ни зги	105
«выбегала...»	106
Не последнее	107
«черным по черному...»	109
Вместо венца	110
Круг	112
Точка весны	114
Отчаяние-золото	115
«галки на небе галки...»	116
Смеркается.	118
Правила образа и подобия	119
«господи Хиросима...»	121
И ты река	122
Августовские иды	123
«все что спасает нас...»	124
Маленькая желтая книжечка	125